

нистическом типе иконографии пророк представлен в длинной тоге, а в так называемом «сирийском» его костюм напоминает облачение посланников в «Поклонении волхвов». Подтверждением этого становятся саркофаг Юния Басса (IV в.), саркофаг из Сан-Витале (IV в.) и коптская деревянная резьба из музея Бодэ (VI в.). Определенное сходство также обнаруживается между упомянутым выше рельефом из Равенны (V в.).

Сравнивая сохранившиеся произведения, можно обнаружить в их иконографии синтез восточных и западных влияний. Многомерное переплетение разных культурных традиций просматривается и в стилистике данных предметов: по сравнению с рельефом римского саркофага (IV в.) из музея Пио Кристиано в равеннском рельефе заметна большая линейность, вытянутость пропорций и стремление к уплощению. Все эти черты неизменно напоминают об искусстве Востока, в частности о памятниках, происходящих из сиро-палестинского региона (III–V вв.). Подобный сплав разных традиций, в том числе наблюдаемый в памятниках, включающих образ *Militans*, ляжет в основу специфического языка христианского искусства, свойственного ему позднее. Скульптура, которая в отличие от фресок, созданных, в основном, на территории Рима, помимо прочего, становится наиболее актуальным предметом в исследовании вопроса генезиса христианского искусства.

Таким образом, изучив письменные сочинения, поместив в их контекст материальные свидетельства, а также определив иконографические и стилистические особенности памятников скульптуры, можно проследить не только формирование в них индивидуального изобразительного языка, присущего христианскому искусству в дальнейшем, но и обнаружить основы для сложения будущего иконографического контекста.

Н. Э. Жигалова

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

Роль светских и духовных лидеров в организации обороны Фессалоники 1422–1430 гг.¹

Фессалоника, захваченная в 1430 г. войсками османского султана Мурада II, в первые десятилетия XV в. переживала социальный, политический и экономический кризис. В условиях военной агрессии со стороны османов городское население раздирали внутренние противоречия, выливавшиеся в недовольство жителей Фессалоники византийской администрацией и желание части горожан перейти на сторону захватчиков.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть меры светских и духовных властей Фессалоники по организации обороны города в период его последней турецкой осады 1422–1430 гг. и выявить степень их вовлеченности в проблемы городского сообщества в кризисное для византийцев время.

Жители Фессалоники, изнуренные военной опасностью, еще до начала осады были недовольны поведением властей. Горожане открыто проявляли свое негодование, стремясь привлечь внимание городского совета к своим нуждам. Как пишет архиепископ Фессалоники Симеон, «небрежность, неверные административные решения и непродуманные действия» властей привели к тому, что «люди восставали друг против друга, задумывали вредоносные заговоры, <...> а видные представители общины выступали против тех, кто заседал во дворце»¹.

Сам же Симеон, по его собственным словам, не принимал участия в предотвращении беспорядков, поскольку «пал жертвой суровой болезни, был словно труп, лежал в своей постели и страдал от горя»². Возможно, так оно и было на самом деле, однако и впоследствии архиепископ избегал вовлечения во внутригородские конфликты, поскольку через несколько дней после своей болезни он «тайно покинул город»³, чтобы, по его словам, встретиться с императором Мануилом II и просить помощи для своей паствы. Через неделю после отъезда Симеона началась осада города.

Осада не только не сплотила жителей Фессалоники перед лицом грозного врага, но лишь обострила внутригородские противоречия. Деспот Фессалоники Андроник Палеолог, очевидно, не справлялся с организацией сопротивления захватчикам и опасался настроений горожан, поэтому отправил письмо архиепископу, надеясь, что по возвращении Симеону удастся унять бушующее в городе недовольство. Однако беспорядки в городе вспыхнули с новой силой: по словам архиепископа, «они (жители города. — *Н.Ж.*) возмущались и роптали против властей, даже напали на меня целой толпой, продолжая бунтовать, угрожали сокрушить святые церкви и нас вместе с ними, если мы не выполним их волю»⁴. Жители Фессалоники, таким образом, не находили поддержки у высших сановников, что накаляло и без того напряженную обстановку в осажденном городе.

¹ *Symeon of Thessalonica*. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἀγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίαις τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγουμένος θαύματα // *Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica* (1416/17 to 1429). Wien, 1979. P. 53. 26–31.

² *Ibid.* P. 54. 2–4.

³ *Ibid.* P. 54. 8–9.

⁴ *Ibid.* P. 56. 16–17.

По сообщению историка Дуки, фессалоникийцы, не желая более подчиняться византийской администрации, отправили нескольких должностных лиц к венецианцам с предложением взять город под свою защиту¹, «с позволения деспота Андроника или без него»². Дука, известный своими пролатинскими взглядами, отмечал, что венецианцы с большой радостью приняли данное предложение, пообещав «защищать город, содержать его в достатке и процветании и превратить его во вторую Венецию»³.

В свою очередь, жители Фессалоники клялись быть верными венецианской власти «так, словно родились и выросли в Венеции»⁴. Если говорить о причинах такого беспрецедентного шага со стороны византийцев, то они, вероятно, ожидали таким образом обеспечить городу защиту от турок, учитывая, что местная администрация была не способна организовать сопротивление захватчикам. Не приходилось ждать помощи и от императора, поскольку в том же 1422 г. Константинополь был осажден турецкими войсками. Однако приход к власти новых владельцев не улучшил ситуации. По мнению Иоанна Анагноста, напротив, по отношению к латинянам горожане демонстрировали открытую неприязнь. Анагност так писал о настроениях, царивших среди его соотечественников: «Как вы знаете, город страдал от владычества латинян; каждый день они приносили нам одни несчастья, и мы часто говорили друг с другом о том, как избавиться от них, но не было никакого плана, как освободиться от этого отвратительного договора»⁵.

Как свидетельствует Анагност, жители Фессалоники воспринимали подчинение венецианцам как испытание. В городе ширились антилатинские настроения, что только усугубляло и без того незавидное положение венецианских властей. Сделка оказалась невыгодной для венецианцев: в городе царил голод, снабжение было нарушено, сухопутные подступы перекрыты турецкой армией⁶. В этих условиях захват города османами был делом времени.

Таким образом, смена власти в Фессалонике не только не решила существующие проблемы, но лишь обострила внутренние противоречия, выражавшиеся в столкновении интересов греков и венецианцев. Антилатинские

¹ См.: *Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπὸ τοῦς Βυζαντινοῦς στοῦς Βενετσιάνους (1423–1430) // Μακεδονικά. 1977. Τ. 17. Σ. 85–123.*

² *Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / Ed. B. Grecu. Bucharest, 1958. P. 247. 23.*

³ *Ibid. P. 247. 19.*

⁴ *Ibid. P. 247. 20–21.*

⁵ Очевидно, автор имеет в виду договор о передаче Фессалоники Венеции 1423 г.: *Ἰωάννου Αναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοῦδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Αναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοῦδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή – κείμενο – μετάφραση – σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. Σ. 6, 8.31–33, 1–2.*

⁶ *Necipoglu N. Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009. P. 64–65.*

настроения горожан, согласно Иоанну Анагносту, привели к пассивности части городского населения и неспособности властей организовать эффективную оборону Фессалоники, в результате чего город был навсегда потерян для византийцев.

Е. А. Заболотный

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва)*

Привилегии митрополитов и императорская власть в XI в.

В 1084 г. митрополит Анкирский Никита¹ подал запрос на имя императора Алексея I Комнина (1081–1118) о разрешении спорной ситуации, сложившейся вокруг одной овдовевшей епископской кафедры в Галиции – Юлиополя (близ современного Сарыяра, Турция). Сложность заключалась в том, что до 60-х гг. XI столетия кафедра подчинялась митрополиту Анкирскому², однако император Константин X Дука (1059–1067) инициировал возведение епископа Юлиопольского в сан митрополита. Анкирская митрополия, таким образом, оказалась лишена епископства-суффрагана³. Впоследствии статус митрополии для епископства был подтвержден Михаилом VII Дукой (1071–1078).

Отправляя запрос Алексею I Никита Анкирский несомненно стремился не допустить превращения личной привилегии одного из епископов Юлиополя в привилегию кафедры. Как указывалось в литературе, Никита выражал таким образом интересы «олигархии митрополитов»⁴, которые подвергли резкой критике дробление церковных провинций (митрополий) и желали сохранить за собой право поставления новых епископов. Эта линия вошла в противоречие со стремлением Алексея I Комнина контролировать различные стороны церковной жизни, включая статус кафедр и епископские хиротонии.

Указанная линия развивалась на весьма непростом внешнеполитическом фоне. Во второй половине XI в., в связи с наступлением тюрок-сельджуков в Анатолии, большое число архиереев, включая митрополитов, стали прибывать в столицу. Концентрируясь в городе, они стремились к сохране-

¹ См.: Заболотный Е. А. Никита, митрополит Анкирский // ПЭ. 2018. Т. 49. С. 543–545.

² *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* / Éd. J. Darrouzès. P., 1981. No 7. P. 275; No 9. P. 297; No 10. P. 311; No 13. P. 355; подробнее об истории Юлиополя и его церковном статусе см.: *Ramsay W. M. The Historical Geography of Asia Minor*. L., 1890. P. 244–245.

³ *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453* / Bearb. F. Dölger. München, 1995. Т. 2: *Regesten von 1025–1204*. N 964. [Далее – RegImp].

⁴ *Darrouzès J. Documents inédits d'ecclésiologie byzantine*. [Archives de l'Orient Chrétien; 10]. P., 1966. P. 29.